

Я мало верю в то, что вижу на сцене

Марина Брусникина, актриса и режиссер чеховского МХАТа, педагог Школы-студии МХАТа, в буйных и хаотичных зарослях внешней театральной флоры возделывает свой сад. Конкурентов пока не имеет, поскольку ее дело слишком уникальное – сценический синтез литературы и театра, в котором главным героем является проза. Брусникина не пишет инсценировок, но сочиняет новые сценические формы, вовлекая в процесс их создания не только актеров, но и зрителей. Ее первые постановки подобного рода (“Пролетный гусь” В. Астафьева, “Сонечка” Л. Улицкой, “Легкий привкус измены” В. Исхакова) появились в чеховском МХАТе. Сегодня спектакли Брусникиной идут в Сатириконе (“Ай, да Пушкин!”), Театре имени Пушкина (“Цыганы”), в Новосибирске (“Моя Марусечка”). Небольшие зрительные залы забиты до отказа. Совсем недавно последовало и общественное признание – Марина БРУСНИКИНА стала лауреатом Государственной премии России 2003 года.

Ее последняя работа, “Белое на черном” Р. Гальего – об участии воспитанников детских домов для инвалидов, – стала шоком и потрясением. И вышла за рамки простого театрального зрелища, став благотворительной акцией.

– Когда я прочла книгу Гальего, то, честно говоря, сомневалась, надо ли это делать. Хотя в глубине души понимала, что не сделать нельзя. Главная проблема – нравственная, внутренняя: имел ли ты право прикасаться к подобному материалу? Его ведь берешь не для того, чтобы критики разобрали спектакль с художественной точки зрения, а коллеги сказали: “Ты – молодец!” – или поздравили. А с чем поздравлять-то, учитывая тему? В данном случае хочется, чтобы как можно больше людей хотя бы задумались. Ведь легче всего от этой проблемы отойти. Как правило, мы так и живем, так и делаем. Раз ты не можешь чем-то помочь, то просто отстраняешься.

– Но вы не ограничились только очердным привлечением внимания к проблеме детских домов?

– Наш художник по костюмам Светлана Калинина предложила сделать хоть что-то, чтобы “Белое на черном” не осталось только творческим актом. Нам хотелось конкретных шагов, конкретной помощи какому-то ребенку или детскому дому. Мы очень много думали над этим, потому что на самом деле все не так просто. В результате решили, что самое простое – отдать часть своего и актерского гонорара в пользу определенного учреждения. Нашли такой интернат для инвалидов. И еще – просто поставили перед сценой ящик, оформили его в стиле нашего спектакля и перед началом запустили

объявление, которое звучит на всех мхатовских сценах. Люди, которые захотят принять участие в этой акции, кладут в ящик деньги. Кто сколько может. Акция шла в течение месяца, теперь мы эти деньги соберем и отвезем в конкретный детдом. Возможно, продолжим акцию и в следующем сезоне.

– Зрители охотно откликаются?

– Да, конечно. Люди кладут деньги. Зрители Большой сцены, правда, меньше, поскольку не совсем понимают, о чем речь. А те, которые смотрят наш спектакль, активно участвуют. Хотя, конечно же, понимаешь, что это такая мелочь. Но хоть что-то... Правда, делать из этого шумиху мы не хотим.

Одна моя приятельница, бывшая актриса, очень активный по жизни человек, достигшая определенных позиций в бизнесе, на следующий день мне позвонила: “Дай адрес этого детдома, я повезу туда еду”. А ее семнадцатилетняя дочь, посмотрев спектакль, сказала: “Мама, я теперь понимаю, зачем нужно искусство”.

– Как вы пришли к такой необычной театрально-литературной форме зрелища?

– Раньше я не анализировала эту ситуацию. Мне казалось, что все произошло случайно. Сейчас же, пытаясь это сделать, я скажу, быть может, странную вещь: я не очень люблю театр в его традиционных проявлениях. Мне так часто бывает скучно на спектаклях, я редко могу поверить в то, что мне показывают. И, наверное, поэтому родилось во мне какое-то желание, решение сделать так, чтобы зритель стал партнером, участвовал в конкретном диалоге с театром.

Я, например, безумно люблю оперу, потому что там задаются определенные условия игры – все поют. И эмоционально это на меня невероятно воздействует. А когда часто спрашивают, почему я не беру обыкновенную пьесу, начинаю думать: тут сад, там будет комната, одни ушли, другие пришли... А в этом жанре нет условностей, зато существует определенность: это – рассказ. Мы все вместе рассказываем какую-либо историю, участвуем на равных в раскрытии темы, которая нас волнует. И таким образом, не возникает ощущения обмана. Человек в зале не должен думать: этот артист похож на героя, а этот не похож и т.д.

– Насколько такой литературный театр сегодня актуален и интересен? Ведь, кроме вас, по моему, этим мало кто в Москве занимается.

– Вообще-то я не изобретала ничего. Многие люди работали с прозой. Это не новый жанр. Просто, наверное, мы делаем чуть-чуть иначе, чем другие. Я сама вижу в этом жанре большое количество возможностей. А зритель дает надежду, что это нужно и интересно. Действительно, у нас все время аншлаги, наблюдается какой-то бум вокруг спектаклей. К тому же существует так много замечательных писателей, произведения которых не очень хорошо переводятся в драматургию, но могут прозвучать именно в этом жанре. Так что пока я не вижу конца пути.

– Вам важно найти определенный баланс между звучащим словом и зрелищем?

– Нет. Но поскольку я преподаю в Школе-студии МХАТа сценическую речь довольно давно, то это был для меня замечательный плацдарм. Я всегда превращала экзамены в спектакли. Если ты одновременно делаешь множество монологов из Шекспира, Пушкина, Ростана, это вдруг начинает обретать какую-то коллективную форму, превращаться в кол-

М. Брусникина

лективное действо. Может быть, именно там я впервые ощутила новые пути. Потом, у меня был замечательный педагог по речи, Анна Николаевна Петрова. Она меня научила, как подать текст, чтобы это стало интересным, задерживало внимание. И, конечно, я благодарна Олегу Николаевичу Ефремову, у которого мы учились. У нас был актерско-режиссерский курс, но занимался он с нами одинаково. В результате режиссером стал всего один из пяти студентов – будущий постановщик, зато из актерской части вышли и Роман Козак, и Дмитрий Брусникин, и я, и Яна Лисовская, которая сейчас в Германии ставит спектакли. Видимо, он нас действительно научил тому, из чего складывается спектакль. Олег Николаевич дал нам в руки эту профессию.

– Насколько такой литературный театр сегодня актуален и интересен? Ведь, кроме вас, по моему, этим мало кто в Москве занимается.

– Вообще-то я не изобретала ничего. Многие люди работали с прозой. Это не новый жанр. Просто, наверное, мы делаем чуть-чуть иначе, чем другие. Я сама вижу в этом жанре большое количество возможностей. А зритель дает надежду, что это нужно и интересно. Действительно, у нас все время аншлаги, наблюдается какой-то бум вокруг спектаклей. К тому же существует так много замечательных писателей, произведения которых не очень хорошо переводятся в драматургию, но могут прозвучать именно в этом жанре. Так что пока я не вижу конца пути.

– Вам важно найти определенный баланс между звучащим словом и зрелищем?

– Может быть, это не столь заметно, но в моих спектаклях картинка меняется постоянно. Просто это делается такими способами, которые не очень мешают восприятию текста. Но проза обязательно должна иметь театральное поглощение. В каждом спектакле я пытаюсь опробовать какие-то новые ходы. Например, “Пролетный гусь” – это эпический жанр. Там достаточно вывести на сцену одного актера и дать ему большой кусок текста. Это будет действовать сильнее, чем если бы я начала дробить текст, раскладывать его на диалоги. А из “Легкого привкуса измены” надо было делать шоу, возникли иные проблемы, связанные с пластическим решением. В спектакле “Ай, да Пушкин!” при полном отсутствии декораций я придумывала “образы” дворцов, кораблей и т.п. Так что сценическое решение очень важно, равно как и музыкальное оформление.

– Чаще вы работаете с постоянной мхатовской актерской командой или со своими студентами, которые, безусловно, хорошо понимают законы этого жанра. Актеры других театров легко идут на контакт?

– В Новосибирск на постановку спектакля “Моя Марусечка” я поехала только для того, чтобы проверить себя и свой метод на “чужих” актерах. Там другая ситуация была – взрослые актрисы, под 50 лет, потому что материал соответствующий. Никто не знает ни тебя, ни этого жанра. Но хватило трех дней, чтобы все превратилось в детей, таких же студентов. У нас сложилось абсолютное взаимопонимание, возникли и контакт, и доверие. Мне кажется, во всех актерах живет детство и желание узнать что-то новое. Так что трудностей

я совершенно никаких не ощущаю. Я различаю не чувствую. Хотя мне кто-то сказал, посмотрев “Ай, да Пушкин!” и “Белое на черном”, что там не просто разные артисты, но представители разных школ. А такое ощущение возникает только потому, что произведения разные. В первом требуется одна форма существования – энергия, буйство, заразительность. А во втором, наоборот, – глубина, сдержанность, деликатность, достоинство.

– Многие педагоги жалуются на нынешних студентов: на их безграмотность и необразованность. Вы тоже это ощущаете?

– На самом деле я обожаю эту сегодняшнюю молодежь. Они намного заразительнее, эмоциональнее, свободнее нас. Я помню себя в этом возрасте – такое количество комплексов, рот боюсь открыть, несмотрю на “глубину” и обилие прочитанных книг. А эти ничего не знают, но так легко все впитывают, как губка. У меня сын примерно такого возраста, абсолютный оболтус. Были проблемы с учебой, и в какой-то момент я закричала: “Филипп, что тебя интересует в жизни?” Ребенок, которому было 11 лет, мне ответил: “Мама, жизнь!” Я замолчала и с тех пор очень заужала своего сына. Так вот, нынешним моим студентам очень интересна сама жизнь. Люди с такой позицией быстро все схватывают, если есть талант и желание учиться. Конечно, они абсолютно безграмотны, в одном слове могут сделать три ошибки. Ну и что? Они – другие. Это похоже на спор: что лучше – книга или компьютер? Можно сколько угодно доказывать, что книга лучше, но толку-то? Все равно они будут сидеть перед компьютером.

– Раньше считалось, что “пустой” актер на сцене неубедителен.

– Ум и интеллект – это разные вещи. Все зависит от среды, куда человек попадает. Если его правильно настраивать и воспитывать, если он попадет в такую атмосферу, где ценятся интеллигентность и образованность, он начнет в этом тянуться. По моим наблюдениям, студенты потом многое добивают. Но если человек дурак от природы, то таким и останется. И это, конечно, заметно, несмотря на всю заразительность и эмоциональность. Ну и будет у него такое агглюа: дурак.

– Сегодня вас все чаще называют модным режиссером. Мне лично это кажется странным, а ваш театр, наоборот, – антимодный. Не страшно ли вам плыть против течения?

– Мне не страшно, потому что у меня нет в этом смысле амбиций. Хотя, конечно, со временем они начинают появляться. Быть может, потому что я уже прошла определенный путь, осознала многие вещи, но в какие-то

переходные моменты своей жизни я понимаю, что могу уйти, например, в школу преподавать русскую литературу. Или уеду в деревню – не так много человеку надо для счастья. Если я не смогу по каким-то причинам заниматься театром, я найду куда себя деть, было бы здоровье. И поэтому страха сделать что-то не так или не попасть в моду у меня нет.

У меня был довольно длительный период в Школе-студии, когда все, что я делала, вызывало недоумение. Люди не понимали, по каким критериям меня судить, поскольку я все время смешивала жанры и экспериментировала. И я уже прошла через ситуацию, когда тебя не понимают. И довольно благополучно, ничего со мной не сделали. Но если думать только о том, как бы сделать что-то такое, чем все будут восхищаться, лучше ни за что не браться.

А что касается моды, то сегодня столько интересного и разного происходит в театре! Я с уважением отношусь ко многим модным вещам, что-то мне при этом нравится, что-то нет. И если я занимаю в этом смысле свою нишу, то слава Богу. Хотя сама я не думаю, что это модно. Просто зрителю ходят, есть какой-то отклик.

– Актерская карьера вас все еще привлекает?

– Иногда. В позапрошлом сезоне у меня было две премьерные работы в спектаклях “Обломов” и “Учитель словесности”. Мне в первую очередь интересно знакомиться с новыми людьми. В “Обломове” это были режиссер Александр Галибин и его команда – Сергей Грицай, Иван Благодер. А потом, когда сама побываешь в режиссерской шкуре, то понимаешь, насколько легче находиться с другой стороны. Я просто играю роль, я ни в чем не виновата и ни за что не отвечаю. Душой отдыхаешь. А в этом сезоне так сложилось, что я поставила четыре спектакля. Когда играть? Хотя если какие-то предложения будут, я с удовольствием откликнусь.

– Но режиссер Марина Брусникина продолжит свою деятельность?

– Вообще я сейчас нахожусь на каком-то внутреннем перепутье. Может быть, потому, что слишком много в этом сезоне сделала. Так нельзя, это тяжело. Хочется подумать немножко. Могу сказать, что у меня есть две кардинально новые идеи. Но пока о них не буду говорить.

– Это будет отличаться от того, к чему вы нас успели приучить?

– Да. Но связано все опять же с прозой, не с драматургией.

Беседу вела
Ирина АЛПАТОВА
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ